

11 (24) декабря

Священномученик
Феофан (Ильменский),
епископ Соликамский

Священномученик Феофан родился 20 сентября 1867 года в селе Окатная Маза Хвалынского уезда Саратовской губернии в семье псаломщика Петра Степановича Ильменского и его супруги Анны Тимофеевны, урожденной Алексеевской, и в крещении был наречен Сергием. Анна Тимофеевна рано овдовела и после кончины мужа переехала с детьми к брату, священнику Димитрию, служившему в храме Казанской иконы Божией Матери в селе Содом Саратовского уезда. Храм был построен в 1857 году, в 1873 году в приходе было открыто земское училище.

«С раннего детства я рос сиротой, – вспоминал епископ Феофан впоследствии, – на попечении матери, глубоко религиозной, кроткой и смиренной женщины, много рассказывавшей мне о жизни преподобного Сергия, имя которого я носил, и на попечении заменившего мне отца дяди-воспитателя, кроткого и смиренного сельского пастыря, пятьдесят лет прослужившего в одном и том же глухом, захолустном селе. С ним-то я и научился делить с народом и радость и горе, встречать церковные праздники Рождества Христова и Святой Пасхи, обходя со славою дома прихожан. Навсегда останутся памяты для меня чтения святого Евангелия моим воспитателем, старцем, особенно чтения 12-ти Евангелий в Великий Четверг, и восторженное служение его в светозарную пасхальную ночь с неподражаемо проникновенным чтением дивного слова Иоанна Златоустого». «Целые поколения прошли перед ним в крестинах, свадьбах, похоронах!!! Но и любит же народ его! Не только прихожане, но и окрестные села. Овдовев очень рано и оставшись с сыном, да с нами сиротами, он как-то замкнулся в себе, затих, оробел, да таким и остался на всю жизнь. Мужички очень любили своего „папашу“ отца-духовника. А как стяжалась эта любовь? Он просто был евангельски добр и кроток, никогда никого не притеснял, просившему не отказывал и делал всё это так же естественно, как светит солнце и благоухает цветок!» «На нем, как и на других пастырях доброго старого времени, был какой-то особенный отпечаток церковности, духовного обаяния. Никогда не могу забыть его особенной, благоговейной настроенности при совершении богослужений, его проникновенности при чтении молитв, Евангелия и т.д. В самой внешности его было что-то особенно привлекательное. Как приятно было, например, видеть его непременно с тростью-посохом, шествующим в храм Божий или в дом прихожан с какой-либо требой. При встрече пастыря с жезлом в руках все невольно останавливались и с благоговением принимали благословение. <...> Две выдающихся черты в нравственном характере покойного. Первая – это его покорность воле Божией. Несчастья одно за другим обрушивались на его многострадальную жизнь: раннее вдовство его личное, потом – его сестры, оставшейся на его попечении с нами – сиротами, пожар дома, смерть его единственного сына при окончании им курса в семинарии, в котором он, естественно, желал видеть опору для себя в старости, – все эти удары один за другим, видимо, только укрепляли в нем дух кротости и терпения. Вторая выдающаяся черта его нравственного характера – это кротость и миролюбие в отношении к причту и прихожанам. За 52 года его епархиальной службы у него не было ни одного судебного дела ни с прихожанами, ни с членами причта».

В 1882 году Сергей окончил Саратовское духовное училище, в 1888-м – первым по успехам Саратовскую духовную семинарию. За годы обучения в семинарии он окончательно утвердился в избранном им пути. «В семинарии желание мое идти в священники не только не прошло, – писал он, – наоборот, под влиянием чудной книги „Письма о должностях священного сана“^{*}, с которой я не расstaюсь и сейчас, созрело в неприменную решимость быть священником, и притом в селе!»

В 1888 году Сергей поступил в Казанскую духовную академию, в 1892 году он окончил академию со степенью кандидата богословия; темой его кандидатской работы была: «Филарет, архиепископ Черниговский, как проповедник». Среди двадцати четырех выпускников Сергей Ильменский был на пятом месте и, по мнению преподавателей академии, имел хорошие педагогические способности, и 13 июня 1892 года Совет академии рекомендовал направить его преподавателем «в семинарии по кафедре Священного Писания, богословских и философских предметов, общей церковной истории с русской и общей гражданской истории с русской».

По просьбе Совета Саратовского епархиального женского училища 10 сентября 1892 года Сергей Петрович был назначен в это училище преподавателем педагогики. Стараясь развить в ученицах творческую инициативу, он предлагал им темы для самостоятельных сочинений по педагогике, имевшие принципиальное, существенное значение в воспитании детей, такие, как «Степень участия матери в деле воспитания детей» или «Значение личного примера в деле религиозно-нравственного воспитания». В училище Сергей Петрович встретил среди учениц и свою будущую супругу, дочь священника Олимпиаду Ивановну Леплейскую, и 11 сентября 1894 года они обвенчались.

7 октября 1894 года Сергей Петрович был назначен законоучителем параллельных и приготовительных классов Саратовского Александро-Мариинского реального училища, и в тот же день епископ Саратовский и Царицынский Николай (Налимов) рукоположил его во священника к Александро-Невскому кафедральному собору города Саратова. 6 февраля 1895 года отец Сергей был назначен настоятелем домового Алексиево-Сергиевского храма при Саратовском реальном училище и законоучителем основных классов этого училища. 25 октября епископ Николай назначил его членом Саратовского епархиального училищного совета. Нередко отец Сергей был назначаем проповедником в кафедральном соборе, в особенности в дни, связанные с тезоименитством императора и членов его семьи. 28 октября 1895 года у них с женой родилась дочь, которую они называли Марией, но вскоре он овдовел и уже в дальнейшем сам воспитывал дочь до ее совершеннолетия.

В 1898 году в Саратове были проведены церковно-учительские курсы, в которых отец Сергей принял активное участие, прочитав их слушателям лекции, касающиеся методики преподавания русского языка. Открывая курсы, он обратился к преподавателям со словом, в котором, в частности, сказал: «Учителю-христианину нет нужды задумываться над решением тревожных вопросов о назначении человека, конечной цели его жизни, потому что Божественное откровение дает ему беспримерное по своей ясности мировоззрение и ответами на эти вопросы наполняет его душу обильным святым содержанием. Оно учит, что человек есть высшее, совершеннейшее творение в мире, венец славы Божией на земле, а назначение его указывает за пределами жизни сей, в единении с Богом и наслаждении с Ним вечной славой и блаженством. *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6: 68), – вот конечная цель стремлений человека. <...> Поэтому не чиновников, не

^{*} Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана. Одесса, 1844. Ч. 1, 2.

ремесленников, не земледельцев должна готовить школа вообще и народная в частности, как думают это некоторые ревнители народного образования, – она должна готовить прежде всего людей, то есть развивать в своих питомцах общечеловеческие положительные достоинства и качества».

Во время занятий на курсах отец Сергей подробно рассказал слушателям о приемах первоначального обучения письму и чтению, объяснил, что имеется в виду, когда говорится о хорошем чтении, дал методические указания относительно обучения правописанию в начальной школе. На одной из лекций он рассказал о дидактических приемах обучения церковно-славянскому языку, раскрыл, в чем заключается воспитательное значение церковно-славянского языка, способы обучения церковно-славянской грамоте по руководству Н. И. Ильминского, пояснил, что означает правильное славянское чтение, как его достичь и каким образом следует вести его преподавание в начальной школе.

Оживление курсам придало чтение рефератов и их обсуждение; рефераты были написаны учителями, а темы даны отцом Сергием и раскрывали то, что сам отец Сергей считал важным при преподавании. Например: «Как сохранить доброе влияние на питомцев школы по окончании ими курса и как расширить ее просветительное влияние», «Какими средствами располагает церковно-приходская школа в деле религиозно-нравственного воспитания учащихся», «Развитие патриотического чувства у детей». При обсуждении доклада о религиозно-нравственном воспитании учащихся отец Сергей призвал слушателей обратить особенное внимание на необходимость религиозного воспитания детей в школьном возрасте, на значение религии в деле воспитания, а чтобы точнее пояснить свою мысль, ознакомил слушателей с содержанием книги «История детской души», написанной английской писательницей Марией Корелли и изданной К. П. Победоносцевым. Обсуждая тему о развитии патриотического чувства, отец Сергей обратил внимание слушателей на церковность, как на одно из коренных, приращенных качеств русского народа. Он напомнил, что развивая в детях любовь к русскому народу, к его историческому прошлому, учитель должен сам твердо помнить, что русский народ всегда был носителем прежде всего религиозных и церковных идей, о чем свидетельствуют важнейшие моменты его истории; например, история Смутного времени и значение в это время Троице-Сергиевой лавры.

В 1899 году отец Сергей был назначен председателем Комиссии по вопросу об открытии 2-го епархиального женского училища и 6 сентября сделал исчерпывающий доклад на эту тему. В том же году он был назначен дополнительно преподавателем дидактики Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища, но в 1900 году отказался от преподавания здесь по состоянию здоровья. 20 сентября 1902 года отец Сергей был назначен законоучителем в Александро-Мариинском епархиальном женском училище, в котором состоял председателем Училищного совета. В 1905 году он был награжден наперсным крестом.

В соответствии с просьбой отца Сергея епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (Долганев) 1 сентября 1907 года назначил его настоятелем церкви святой равноапостольной Марии Магдалины при Мариинском институте благородных девиц и законоучителем и преподавателем педагогики в этом институте.

Обращаясь со словом к выпускницам Мариинского института, в котором были высказаны некоторые опасения, что, получая в дальнейшем обширное образование, они могут утратить главное, отец Сергей сказал: «Как много соблазнов открытого неверия, ожесточения или полного равнодушия и индифферентизма к вопросам религии ожидает их, особенно тех, кто поступает на высшие курсы. Здесь целью

ставится обыкновенно внедрить как можно больше сведений из разных наук, сведений часто непродуманных, противоречивых, всегда почти с оттенком политических, нравственных и религиозных личных убеждений преподавателя. Всё это внедряется в юную и нежную душу девушки, закрепляется заучиванием, и притупляются или насилуются естественные духовные стремления юной души. Душа калечится насильственным внедрением совершенно чуждых ее природе взглядов и настроений. Но она бессильна бороться с ними. Ее пугает собственная „неразвитость“. Ее постоянно оглушают словом „наука“: наука говорит, наука признала, наука отвергла и т. д., и, запуганная этими громкими фразами, хотя большей частью ложными, душа девушки начинает превращаться в какой-то склад всевозможных знаний и едва тащит на себе это бремя, не может разобраться в массе знаний, проверить, продумать их и в конце концов подавляется ими, уродуется.

Вот перед нами, пишет один священник, дневник одной курсистки, прочтите его с начала до конца и вдумайтесь в психологию автора! Вы увидите здесь обычную историю души русской девушки, стремящейся к образованию. Душа – богато одаренная, так много обещающая, религиозно воспитанная, искренно верующая, она постепенно теряет всё свое душевное богатство, все черты своей личности по мере усвоения разных лекций, курсов, книг, и в конце образования от нее, многообещающей личности, столь богато одаренной, остается какое-то безличное существо без веры в Бога, без цели жизни! Не дай Бог такого образования женщине. Нет. Не вытравлять религию из сердца женщины должно воспитание, но всячески развивать и совершенствовать ее. Пусть женщина в своем служении семье зажжет и внесет светоч христианской веры и благочестия обществу, Церкви и тем исполнит завет, данный ей Божественным Учителем в лице святых жен-мироносиц: „Идите, возвестите миру обо Мне и Моем славном воскресении“. Вот на каком поприще общественного служения я желал бы видеть вас».

25 сентября 1911 года в Алексиево-Сергиевской церкви при Александро-Мариинском реальном училище праздновался храмовый праздник и по обычаю богослужение совершал епископ Гермоген. После литургии он сказал прекрасное, по мнению отца Сергия, слово, показав в нем пример практической педагогики, которое было записано им по памяти и опубликовано в «Саратовском духовном вестнике».

«Мы, люди грешные и немощные, часто задаем себе вопрос: зачем нужны храмы, продолжительные церковные службы, молитвы, поклоны и посты? Можно бы и без этого обойтись... – сказал епископ Гермоген. – Считая всё это ненужным, многие ходят и в церковь-то только тогда, когда случится какая-нибудь беда, например когда умрет кто-либо из родных или близко знакомых. Так что вполне достойно и праведно назвать таких христиан панихидными <...>. Ответ на вопрос, зачем нам нужны пост, богослужение и молитва в деле достижения христианской добродетели, дает нам Святая Церковь в тропаре ублажаемому ныне преподобному Сергию, небесному покровителю, патрону вашего храма.

Иже добродетелей подвижник, яко истинный воин Христа Бога, на страсти вельми подвизался еси в жизни временней, в пениих, бдениих же и пощениих образ быв твоим учеником...

Слышите? Преподобный Сергий называется воином Христа Бога, на страсти вельми подвизавшимся. Посмотрите на солдата в нашей жизни, когда он, усталый во время занятий, бежит, падает на землю, роет себе ямку, скрывается в ней от мнимого неприятеля, которого вовсе нет, из нее выглядывает и опять прячется... Это дело нам кажется не нужным в данную минуту, а иногда и смешным, а между тем это-то „смешное дело“ оказывает впоследствии ему большую пользу, ибо благодаря ему он

побеждает врага.

В таком же положении находится и христианский подвижник, который прогоняет от своего сердца все страсти – бдением, постом и молитвой, что нам с вами кажется ненужным, излишним. Других способов достигнуть добродетели нет. И странно после этого слышать, как некоторые родители говорят: „Для чего эти длинные церковные службы: дети устают, и даже жалко на них смотреть, как они переминаются с ноги на ногу?!“ Как вредны подобные суждения! Говорящие так не понимают, что с раннего детства необходимо приучать детей к дисциплине, бороться с их страстями и капризами. Посмотрите, как в области капризов злохудожная душа так настойчива в своих мерах проявления. Возьмем для примера хотя бы капризы, которые сплошь и рядом встречаются почти в каждой семье. Родители просят детей что-либо исполнить, а последние не хотят, капризничают, и посмотрите, что делают: уткнутся носом в картуз или в стену и стоят так час, другой и более, не желая выполнять волю родителей. Так вот, если „злохудожное“ дело капризов так настойчиво, то как же должно быть настойчиво дело исправления их, противодействие им? Горе тем родителям, да и детям, где капризам потворствуют, не противодействуют им!

Так и с другими пороками и страстями: мы люди больные, а лекарства часто не желаем принимать. Извиняем, а не лечим всякие детские проступки и даже преступления, как, например, воровство у родителей или бабушки денег и тому подобное. Чего же ждать хорошего от таких детей? Не так поступал преподобный Сергей: он на страсти вельми подвизался пением, бдением, то есть всенощным стоянием на молитве и пении, молитвой, постом! При помощи этих средств церковной дисциплины он, как истинный воин Христа Бога, поборол все свои страсти и явился образом, примером своим ученикам, в том числе и вам.

Вам, дети, могут приходиться и такие мысли: „Так ли молитва, пост и поклоны нужны нам, как они нужны были преподобному Сергию? Не все же будут святыми!“ А разве мы молимся для того только, чтобы сделаться святыми? <...> Со страстями и пороками детства и юности – непослушанием, гордостью, самомнением и другими, равно у взрослых – картежной игрой, пьянством необходимо бороться не из желания быть святыми, что дано быть только избранным сосудам благодати Божией, а для духовного воспитания, воспитания в себе „человека“ и спасения души. Церковь в этом деле идет нам на помощь, предлагая воздержание, пост, молитву, словом, то, что называют церковной дисциплиной. Это первое средство. А есть и другое средство – это благодатные таинства: Исповедь, Таинство Святого Причащения. Смотрите, как Церковь велит готовиться к принятию Святых Таин. Вот перед святым причащением читается правило, некоторые из вас задают себе вопрос: зачем это? А затем, чтобы смирить себя, сосредоточиться в себе и отогнать от себя улицу с ее греховными впечатлениями, – иначе как же Христос войдет в душу, пришедшую с улицы, не выметенную, не очищенную от грехов?

Ведь душа человека – это домик, в котором живет Сам Христос; если душевный домик разрушен и не очищен от грехов, то Господу и главы негде будет приклонить и самое причащение будет поруганием над Святыми Дарами. Необходимо следить за тем, чтобы наш душевный домик сохранился целым и невредимым от дней детства и до глубокой старости, когда душа еще более разрушается от грехов и пороков. <...> И жизненная работа преподобного Сергия состояла в том, как бы душевный домик покрепче создать, сохранить и не разрушить. О теле он не заботился, чтобы оно было в неге и красоте, лишь бы душа была чистой и здоровой. <...> Вот почему для угодников Божиих было безразлично, какой смертью умереть телу, – они готовы были идти даже на мучение, лишь бы душа их была чиста и невредима. Так вот, дети, и подвиги

преподобного Сергия – его посты, молитвы, всенощные бдения, поклоны – не бесцельны и не смешны, напротив, достойны подражания».

15 мая 1909 года епископ Саратовский Гермоген назначил отца Сергия благочинным домовых церквей города Саратова и 31 декабря того же года – цензором проповедей. 14 мая 1911 года отец Сергей был возведен в сан протоиерея и 1 сентября того же года назначен главным редактором «Саратовского духовного вестника».

Став редактором епархиального церковного издания, протоиерей Сергей спешил поделиться со своими читателями тем, что безмерно трогало душу его самого – родниками благочестия православного русского народа. «В день памяти мученической кончины Пророка, Предтечи и Крестителя Господня, – писал он, – имел благодатное утешение духовного общения с простым народом, непрерывной волной притекавшим за эти дни в пустыньку около нашего шумного города, к храму Божию, расположенному среди гор и долин, в сельце Увеке. <...> Так приятно бывает слиться с этой народной волной и отдохнуть душой в подвигах молитвы и в беседе с ним!

Обычно в течение года, за исключением больших годовых праздников, в храме сельца Увека бывает весьма мало молящихся: прихожане – жители деревень, в самом же Увеке всего восемнадцать дворов, так что храм с богослужением (почти ежедневным) напоминает какой-нибудь скитский храм в пустыне, где богослужение совершается не для молящихся только, а для непрерывного, неусыпного славословия Богу и святым Его! – Но в дни 27-го, 28-го и 29 августа пустынька обращается в населенный град; за эти дни перебивают здесь тысячи богомольцев-паломников, и вот, повторяю, как приятно бывает слиться с верующей православной русской народной душой. Когда уходит эта волна народного движения после праздника до следующего года, то чувствуется, говорит одна из постоянных обительниц-насельниц этого храма, что что-то точно отрывается от твоей души и уносится этой народной волной, и ждешь не дождешься, когда эта волна опять придет и принесет с собой что-то светлое, дорогое, лучшее, чистое и святое в жизни души!

Замечательно, что сам народ умеет занять себя на этом празднике и напитать душу свою духовной пищей. Приходским священникам, занятым непрерывным служением молебнов, нет, конечно, возможности вести внебогослужебные беседы, и вот народ сам умеет занять себя: около храма составляются группы молящихся, в которых или читаются назидательные книжки, листки и брошюры, или же поются духовные канты, стихи, созданные народной душой, о святой горе Афон, о прекрасном Иосифе, о Страшном суде Божиим... Нужно самому слышать исполнение этих стихотворений-кантат, чтобы почувствовать невыразимую красоту творчества народного духа в области религии. Как со стороны содержания, так и особенно со стороны напевов, они достойны внимания, чтобы записать, положить на ноты и тем увековечить их...

<...> Особенно хорошо исполняются канты в ночь на 29 августа: богомольцы бодрствуют почти всю ночь, и вот около храма, остающегося незапертым всю ночь, собираются группы в разных местах, и слышатся распевы – в одном месте о святой горе Афон, в другом о прекрасном Иосифе... Богомольцы переходят от одной группы к другой, сохраняя строгий порядок. Чудное зрелище представляет собой в эту ночь маленький храм. В нем, точно в фонарике, непрерывно горят перед святыми иконами свечечки. Огоньки этих свечей, точно звездочки сияют в сумраке ночном, сливаясь с сиянием звезд на небосклоне. И вот чувствовалось нам, точно сам великий угодник Божий, Иоанн Предтеча, проповедавший в пустыне покаяние, собрал к себе и в эту маленькую пустыньку великое множество народа, *пеши от градов* (Мф. 14: 13), и

беседовал с ними о том, что они должны делать, чтобы наследовать жизнь вечную. Да, думалось нам, собрались эти тысячи людей от запада, севера, востока и юга, духовные чада, чтители святого Иоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня, не на чувственный, плотский пир, не на пир жизни, каким окружает себя богатая и сытая буржуазия и интеллигенция больших городов и в будни и в праздник, а на пир веры, чтобы почерпнуть в этом храме, у святой иконы – святыни его, силу, нравственную бодрость и энергию духа, столь необходимую им среди всевозможных лишений, горя и страданий, какими полна трудовая жизнь рабочего люда.

Плотский чувственный пир, к которому созвал Ирод своих гостей, окончился кровавым зрелищем. Целый океан чудовищного эгоизма, себялюбия, ненависти и зависти, а отсюда и всевозможных преступлений порождает он, этот пир, и в современной жизни среди богатых и сытых людей, смеживших очи свои к запросам высшей духовной жизни и утопающих в чувственности. Тяжелая же трудовая жизнь, среди всевозможных лишений и страданий, а иногда даже жестокостей и насилия от этих богатых и сытых людей, воспитывает страждущих и обремененных от них для духовной жизни и направляет ум и сердце их к верховной, вечной, личной благодати – к Богу. Подобно Иоанну Предтече, мученику за правду Божию, и они среди людской неправды, жестокостей и насилия научаются видеть высшую правду в человеческих страданиях. <...> Вот это-то терпение за правду ради Бога и сближает наш простой крестьянский люд с мучеником за правду Божию Иоанном Крестителем, пострадавшим *за истину радуясь*... В этом именно сближении мы и находим объяснение особенного благоговения простого люда к празднику усекновения главы Иоанна Крестителя и паломничества его в его пустыньку!

И действительно, какой родник живой воды благодатного утешения открывается для них сегодня в этом храме! Нужно было видеть то религиозное одушевление, слезы умиления, с какими они... слушали церковные службы в этот день...»

Эти религиозные по существу переживания детства, смешиваясь с последующим его опытом учебы в семинарии, академии, жизни в больших городах преподавателем семинарии, выкристаллизовались в большой жизненный опыт, говоривший ему, что христианство, истинное благочестие и верность высокому христианскому идеалу продолжают сохраняться в простом православном народе, что именно он еще остается хранителем живого церковного предания. Не только в бумажной книге, а и в живых душах, в сердцах запечатлено слово Божие. По существу великая Российская Православная Церковь только и была еще жива этой глубокой верой простого православного верующего народа. Без него всё остальное, со всеми церковными учреждениями, семинариями и академиями было как заведенный государством механизм без души. В этом механизме светились еще яркими звездами подвижники, но они были так не часты, как редко расставленные во времени и в пространстве светильники. Потому-то так и приникала душа отца Сергия к этим людям, к благочестию народа, в котором еще сохранялось живое религиозное чувство. И казалось, что не будет его – и ничего не будет.

Отец Сергей писал впоследствии о том направлении, которое он старался придать епархиальному журналу: «„Святая Русь“ – Русь церквочек и монастырей, в которых светится благодатный свет Христов, идеал нашей родины-матери! Служению этому идеалу и должны отдать пастыри свои силы! „О милый, кроткий и смиренный, душевно добрый, просто верующий русский народ!“»

В конце 1911 года епископ Гермоген за принципиальное следование церковной позиции был смещен с Саратовской кафедры и отправлен в ссылку в Жировицкий монастырь, а на его место в январе 1912 года был назначен епископ Алексей

(Дородницын). С его назначением епархиальный журнал почти прекратил свою деятельность, и на его страницах в течение какого-то времени печатались лишь статьи правящего архиерея. Только осенью 1912 года протоиерей Сергей вернулся к работе в журнале, опубликовав в нем несколько своих проповедей.

К Пасхе 1913 года отец Сергей опубликовал в журнале статью «Первооснова духовной жизни человека (Мысли и чувства по поводу светлых дней Святой Пасхи)», в которой описал созвучные его душевному настрою и очень важные для него воспоминания, когда перед взором священника вновь предстали картины детства, освещаемые для него изнутри внутренним мягким светом, как замерший в состоянии солнечного мира и покоя пейзаж на картине Поленова «Московский дворик», столь утешавший в течение многих лет заключения в камере-одиночке Местоблюстителя Патриаршего престола священномученика Петра (Полянского). «Далекое, невозвратное детство... Холодом веет от жизни... Но детство, словно живительный луч весеннего солнышка, приносит из далекого прошлого свет и радость. Перед нами встает из давно минувшего прошлого не забытая еще и доселе, дорогая, мирная картинка.

Деревянный храм в стороне от поселка. Только что кончилась Пасхальная литургия. В храме носят остатки кадильного фимиама. Там, в глубине алтаря, полусвещенного первыми лучами восходящего солнца, виднеется в отверстые царские врата силуэт отца-священника, оправляющего одежды на святом престоле. Я окидываю взглядом храм и вместе со старой няней выхожу из храма.

Дома ждут кулич и пасха и ласки родителей. Бегу домой.

С колокольни несется праздничный трезвон. Над соседней полянкой уже взвился певец весны – жаворонок. Не ускользает и он от моего внимания... В воздухе носится аромат только что лопнувших древесных почек, которые успели к Светлому дню выпустить кончики зеленых листиков.

В доме уже стоят крестоносцы с иконами. Отец прославил Воскресшего. Праздник настал!

Не хочется сидеть дома. Я выхожу и пробираюсь к селу. На завалинках сидят поселяне: все знакомые люди. Помню: я остановился у одной группы. Вступаю в разговор. Старички смотрят на разгоревшееся утро и словно улыбаются ему. Захолустное село приучило, очевидно, поселян жить своими близкими им интересами. Многое, помнится, говорилось тогда поселянами, и всё больше о житебытье, о природе... Но из их бесед почему-то особенно врезалось в мою детскую память какое-то радостное отношение их к солнышку.

– Как солнышко-то играет! Вот так играет! – слышатся голоса поселян.

Я смотрю на солнышко, и мне, помню, тоже показалось тогда, что солнышко действительно играло, заливая своими лучами и эти шумящие ручейки, и соломенные крыши маленьких избушек, и вон тот перелесок, который еще купался в утренней синеве. И я слышу около себя чей-то поясняющий голос: „В Светлый день всегда так-то играет солнышко! Оно тоже Христа Господа славит!“»

Свой опыт преподавания Закона Божия в учебных заведениях отец Сергей изложил в брошюре «О религии вообще и христианской в особенности», которую посвятил учащимся в саратовских учебных заведениях.

В 1913 году восемнадцатилетняя дочь протоиерея Сергея Мария первой по успехам закончила Мариинский институт благородных девиц, и он подал прошение председателю архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) о зачислении его в число братии Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, и 13 августа 1913 года был зачислен в Валаамский монастырь. Но епископ Саратовский Алексей

благословил его остаться в епархии, чтобы окончательно устроить семейные дела. Отец Сергей начал хлопотать о назначении дочери ежегодной пенсии, для чего нужно было, чтобы сроку его службы исполнилось 25 лет, и тогда его дочь смогла бы получать половинную пенсию в 450 рублей в год. Но, в конце концов, всё уладилось – через полтора года Мария вышла замуж за помощника смотрителя Балашовского духовного училища Прохора Павловича Даниленко, человека, по мнению отца Сергея, очень хорошего.

13 ноября 1913 года епископ Алексей включил протоиерея Сергея в состав учрежденного при Саратовской духовной консистории Комитета по сбору пожертвований на голодающих жителей Галиции и Буковины.

1 июня 1914 года отец Сергей в качестве редактора опубликовал свою последнюю статью «Чем должен быть наш епархиальный орган», в которой он вспомнил прошлое и поделился опытом и своими соображениями по улучшению епархиального печатного органа. «Живо припоминается мне то чувство смущения и боязни, – писал он, – которое овладело мной при предложении в августе 1909 года бывшим преосвященным Саратовским Гермогеном ответственного поста редактора местного епархиального органа... Хватит ли у меня времени, а главное умения и сил, чтобы вести это дело? Колебался я. Но вот общение с народом, в простоте сердца верующим и любящим Бога, в праздник 29 августа на церковном Увеке, куда ежегодно тысячи богомольцев собираются со всех концов нашего края, помню, оживило в моем воспоминании впечатления раннего детства, когда я в общении с ним так любил встречать в храме большие церковные праздники: Рождества Христова, Святой Пасхи. И я решил взяться за предложенное мне дело редакторства епархиального органа, чтобы путем печати делиться впечатлениями пастырства, его наболевшими запросами и нуждами, и таким путем хотя бы несколько восполнить односторонность законоучительства без живого пастырского дела на ниве духовного делания в служении Церкви Христовой! <...>

В мое двукратное посещение за последнее время Петербурга мне пришлось познакомиться с приходской деятельностью петербургского духовенства и наблюдать, сколько многополезных и разнообразных духовно-просветительных и экономических учреждений основано умными и деятельными пастырями в своих приходах, именно около храмов: и школы, и богадельни, дома трудолюбия, общества трезвости, читальни, библиотеки, попечительства материальной взаимопомощи и т. д. И всё это создается пастырями при деятельном участии самих прихожан! Нам скажут: там богатые люди, там много средств! Правда! Но и у нас возможно найти средства, хотя и в меньших размерах, было бы только искреннее желание работать. А работать необходимо, и как работать!!! Подумайте, какое тревожное время переживаем мы в борьбе за народную душу! Наша беспочвенная интеллигенция, оторванная от национальных основ жизни, став на ложный путь космополитизма, желает народ привлечь на свою сторону. Удобное и благовидное средство к сему найдено в просвещении народа через безрелигиозные школы, читальни, тенденциозные книжки, брошюры, газеты, через устройство таких же развлечений для народа с полным пренебрежением уставов Церкви, нарушением святости дней поста и праздников. Такое служение не есть служение русскому прогрессу и благу России, а есть, в сущности, служение всесильному еврейству, в руках которого беспочвенная и безнародная интеллигенция служит послушным орудием... Оно-то и создало тот страшный гнет еврейства, который особенно сильно чувствуется в больших городах и составляет своего рода знамение времени.

Наша русская задача – отразить этих богопротивных врагов, явив миру Истинного

Бога и истинную религию. В противовес движению в пользу еврейства пастыри должны быть идейными вождями русского народа, способными как можно глубже внедрить в нем церковные и национально-патриотические убеждения. Органом или орудием для такой деятельности и должны быть братства при церквях или кружки ревнителей православия. А печатным органом, на страницах которого пастыри могли бы найти взаимную поддержку и помощь в такого рода деятельности советами и наставлениями друг другу, и должен быть местный епархиальный орган – епархиальные ведомости. В единении сила. *Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок* (Притч. 18: 19), говорит слово Божие».

26 июня 1914 года от тяжелой болезни скончался дядя протоиерея Сергия, протоиерей Димитрий Алексеевский, бывший ему нежным отцом, привившим его сердцу глубокие религиозные чувства, ставшие частью его собственного духовного опыта.

12 августа 1914 года Святейший Синод назначил протоиерея Сергия смотрителем Балашовского духовного училища с возведением его по пострижении в монашество в сан архимандрита. 14 августа в Спасо-Преображенском соборе Валаамского монастыря отец Сергей был пострижен в монашество с именем Феофан. 22 августа он был освобожден от должности настоятеля церкви и законоучителя Мариинского института благородных девиц, и 14 сентября епископ Сердобольский Серафим (Лукиянов) в храме Трех святителей 8-го Финляндского стрелкового полка в Выборге возвел его в сан архимандрита.

Духовенству Саратовской епархии еще загодя стало известно, что протоиерей Сергей вскоре покинет Саратов, и оно пожелало устроить в его честь прощальный товарищеский обед и отметить его пастырскую деятельность, но тот уклонился от принятия какого-либо празднования в свою честь, и тогда духовенство Саратова в Старом соборе города поднесло архимандриту Феофану копию иконы Нерукотворного Спаса, подлинник которой находился в Саратовском кафедральном соборе, хорошо зная, что именно перед ней отец Сергей часто и подолгу молился.

Вернувшись после пострига в Саратовскую епархию, архимандрит Феофан стал исполнять обязанности смотрителя Балашовского духовного училища. В это время училище несло все тяготы военного времени: половина его зданий была занята под казармы и часть учащихся жили на съемных квартирах, так как в училищном общежитии не доставало мест. Как отмечали современники архимандрита Феофана, его отличала простота, сердечность и отеческая заботливость к нуждам учащихся. Он сохранял в своей душе и оберегал ценное и важное из евангельского учения – любовь к людям, независимо от того, были ли это взрослые или дети. И дети чувствовали, что в его лице они имеют верного друга и любящего отца. Вопросы административного устройства, хотя и были существенными, но воспринимались отцом Феофаном как внешние, отходя для него на второй план. Придавая большое значение богослужению и горячо любя церковную службу, он служил истово, благолепно и торжественно, сопровождая каждую службу поясняющим словом и стараясь воспитать в детях любовь к храму и богослужению. Каждый учебный день начинался и завершался молитвой в храме, которую отец Феофан всегда совершал сам; в столовой во время трапезы было заведено чтение житий святых. «После слова Божия, – говорил отец Феофан, – ничто так лучше не воспитывает христианское чувство, как именно жития святых. Что-то высокое, чудное происходит в вашей душе, когда длинными рядами проходят перед нами тысячи этих людей, вся жизнь которых была непрерывным служением Христу». Благодаря влиянию отца Феофана у учеников родился неподдельный интерес к чтению агиографической литературы.

Говорят, что идеал школы – в семье и что идеальной школой считается та, которая своим строем напоминает семью. Если это так, то архимандрит Феофан являлся одним из лучших представителей христианской педагогики, ибо в основу своей школьной деятельности он полагал тот животворный принцип, что школа есть одна большая христианская семья, где старшие со всей заботливостью относятся к младшим и научают их всякой премудрости и благочестию, а младшие оправдывают заботы о них старших и со всем прилежанием и усердием внимают тому, что может умудрить их во спасение[†]. Подобно отцу, архимандрит Феофан входил во все подробности и нужды ученической жизни, где нужно, помогал советом и наставлением, а часто и материально. Современники запомнили его молитвенником и постником, добрым и смиренным человеком. Хиротонисанный впоследствии во епископа и живя в архиерейском доме в Перми, он сам ходил за водой и сам готовил себе пищу.

В марте 1916 года Святейший Синод вступил в переписку с епархиальными архиереями относительно возможности учреждения в епархиях викарных кафедр. Епископ Пермский Андроник (Никольский) ответил Синоду, что ввиду громадной территории Пермская епархия имеет насущную потребность в учреждении викариатства, и предложил на этот пост ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Пимена (Белоликова). Признав просьбу Пермского архипастыря заслуживающей внимания относительно учреждения в епархии викариатства, Синод, однако, 23 мая 1916 года постановил назначить архимандрита Пимена епископом в Урмию, и таким образом семинария осталась без ректора, не получив и епископа, так как назначенный на викариатство Синодом другой кандидат не прибыл в епархию. 17 июля епископ Андроник направил председателю Учебного комитета архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) телеграмму с просьбой назначить смотрителя Балашовского духовного училища архимандрита Феофана (Ильменского) ректором Пермской духовной семинарии..

4 августа состоялось заседание Учебного комитета, рассмотревшее замещение вакантной должности ректора Пермской семинарии. В этот день была рассмотрена просьба о перемещении в Пермь ректора Тамбовской духовной семинарии протоиерея Николая Кибардина, о поддержке его просьбы ходатайствовал архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов). «Со стороны преосвященного Андроника, епископа Пермского, – отмечалось в журнале заседания Учебного комитета, – не встречается препятствия к перемещению протоиерея Кибардина ректором Пермской духовной семинарии». Однако, на этот раз всё же произошло так, как просил Пермский епископ, и ректором семинарии был назначен архимандрит Феофан.

26 сентября 1916 года преподаватели и учащиеся Балашовского училища простились с отцом Феофаном, и 5 октября он прибыл в Пермь. Сойдя с парохода, он сразу же отправился в семинарский храм во имя апостола Иоанна Богослова, где в это время подходила к концу Божественная литургия, и незаметно вошел в алтарь. После окончания литургии архимандрит Феофан вышел на амвон и обратился к учащимся со словом, в котором сказал о том, что было для него самым важным, что его служение в Пермской духовной семинарии будет посвящено тому, чтобы в учащихся не угасал дух пастырства и православия.

На следующий день архимандрит Феофан служил в семинарском храме Божественную литургию, в конце которой обратился к молящимся с проповедью об апостолах, проповедниках Евангелия; он призвал учащихся трудиться, чтобы «быть

[†] 2 Тим. 3: 15

солью земли, светом мира». «Как руководитель вашего воспитания, не с жезлом прещения и угроз явился я к вам, нет. Архипастырь, вручивший мне сей жезл, заповедал пасти юную паству мою жезлом мира и любви. Поверьте, говорил он, на любовь вашу дети откликнутся тем же, они сами подойдут к вам и откроют вам свои детские нужды и желания, они расскажут вам и про свои родные дома и поля и села». Сказав, с какой любовью прощались с ним ученики Балашовского училища, архимандрит Феофан добавил: «Говорю сие не из самохвальства и самоуслаждения, ибо я – ничто, всё же благое во мне соделывает благодать Божия. Готов потрудиться и среди вас. Будем назидать друг друга, дабы соделаться нам живыми камнями в здании Церкви Господа и Бога нашего Иисуса Христа».

Воспитанники семинарии, приглядевшись к новому ректору, увидели, что его монашеская набожность отнюдь не внешняя, но глубоко укоренена в нем, являясь основой его личности. И его простота и доступность не напускные, а часть его самого. А увидев это, они без опасений пошли к нему со своими печальями и нуждами. Архимандрит Феофан старался утвердить в сознании семинаристов идеи пастырства, он ввел за некоторыми семинарскими службами общее пение, постарался внести в семинарскую жизнь представление о семинарии, как о христианской семье, для чего стал устраивать в своей квартире чтения и беседы преподавателей и учащихся.

11 ноября, завершая праздничный день основания Пермской духовной семинарии и подробно остановившись на значимости пастырского служения, отец Феофан заметил, что теперь многие из окончивших семинарию уклоняются от пастырского служения, уходят в другие учебные заведения. Не исключая того, что не из желания большего комфорта для себя лично они туда идут, а для принесения блага ближнему, отец Феофан призвал семинаристов именно к пастырскому служению. «Православные, дорогие юноши, – со слезами сказал он, – посмотрите: на вас обращен этот грустный взор Господа нашего Иисуса Христа, говорящего: „Жатва много, а делателей... делателей мало“».

Беседы на квартире ректора с теми или иными классами семинаристов стали постоянным и дорогим для семинаристов явлением. Они имели значение и для получения новых знаний, и для приобретения навыка к размышлениям, и для дружеской, искренней беседы, научающей христианскому общению, важному в особенности в тех случаях, когда у людей есть общее в главном.

26 ноября в квартире ректора состоялась беседа с семинаристами III и IV классов о позитивистском мировоззрении Огюста Конта, который, начиная свою деятельность с поклонения разуму и знанию, затем перешел к служению чувству и религии. Это показывало, насколько не заглушим в человеческой душе порыв к сверхчувственному миру, к вечному идеалу. Архимандрит Феофан также обратил внимание семинаристов на воззрения Геккеля, Тимирязева и Мечникова, на их отрицательное отношение к религии, которое, по мнению отца Феофана, объясняется их крайней теоретической предубежденностью, строем их воспитания и самим образом их научной деятельности, но главным образом, их демонической гордостью, которая духовно ослепляла их и обращала в людей того упрямого типа, о которых говорится, что они не поверят, даже если и мертвые воскреснут. В заключение отец Феофан сказал об идущей, ужасной войне, которая явилась страшным судом Божиим над мировоззрением двух миров: восточно-православного и западного, порой совсем безбожного мира.

Находясь в Перми, архимандрит Феофан был председателем епархиального общества трезвости и заботился о развитии трезвеннического дела в Пермской губернии.

27 января 1917 года последовал указ Святейшего Синода о хиротонии архимандрита Феофана во епископа Соликамского. 25 февраля в Крестовой церкви архиерейского дома состоялось его наречение во епископа, а на следующий день в пермском Спасо-Преображенском кафедральном соборе епископами Пермским Андроником, Глазовским Павлом (Поспеловым), Барнаульским Гавриилом (Воеводиным), Петропавловским Мефодием (Красноперовым) и Челябинским Серафимом (Александровым) архимандрит Феофан был хиротонисан во епископа Соликамского, викария Пермской епархии.

Говоря о том, что было для него самым задушевным и важным, архимандрит Феофан в своей речи на наречение сказал: «Люблю совершать с нашим народом крестные ходы к местным святыням, с беседами и общим одушевленным пением, среди множества хоругвей, крестов и святых икон, когда так чувствуется духовный общий подъем, когда видишь, чем живет душа русского народа в минуты подлинной ее жизни, когда он сбрасывает с себя муть обыденной житейской пошлой суеты и грязи и выявляет светлый образ ее подлинной жизни: стремления к святости, стихийного желания быть ближе к Богу, сделаться верным сыном Его. А где же, как не в Церкви Христовой и воспитан этот светло-обаятельный образ христианской народной души! Всё, что было великого в русском прошлом, по свидетельству самой истории, создано под сенью нашей Церкви Православной. <...>

Страшусь и трудности епископского служения. И в мирное спокойное время пастырство великий подвиг! Архиерей не имеет своей личной жизни, жизни для себя, но он живет жизнью Церкви, посвящая свою жизнь спасению других... Он должен воспринять в свое сердце сердце пастыря своей и жить сострадательной любовью к ней!

А тем более трудно архиерейское служение в настоящее смутное время. Шумит и волнуется, подобно бурному океану, многмятежный мир, и какие страшные волны неверия и ожесточения обуревают корабль Церкви Христовой! Как много ныне стало сынов противления, которые, сами отторгшись от Церкви Христовой, порвав с ней всякую связь, стараются отторгнуть от нее и основное тело ее – простой русский народ. Удобное средство к сему найдено в „просвещении“ народа через безрелигиозные школы, читальни, устройство народных домов, кинематографов со зрелищами в них накануне праздников, развивающими в народе вместо послушания Богу дерзкое своеволие, издание брошюр, газетных листков, в которых сплошь и рядом осмеиваются православно-церковные обычаи русского народа, Таинства, обряды Церкви Христовой. И вот расхищается богатство православно-русской церковной народной души, затемняется светлый образ ее... широкой волной развивается среди народа неверие и сомнение, дерзкое своеволие, распущенность, пьянство и другие пороки. Люди точно сговорились отвергнуть религию Креста и поставить на место ее религию мудрования плоти! Расшатались на Руси когда-то твердые жизненные устои. И вот слышится нам в храмах Божиих, как святители Русской Церкви, создавшие их, Петр, Алексей, Иона, Филипп и Гермоген, Стефан, просветитель Пермского края, и преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Сергей и Герман Валаамские, Сергей Радонежский и Серафим Саровский и другие благодатные воспитатели православного русского народа, призывавшие его к честной, религиозной, трезвой и трудовой жизни, встают из своих гробниц и вещают нам со святых икон: „Спасайте народ, спасайте русский народ“. Воистину *освобожден сатана из темницы своей*, чтобы *обольщать народы* (Апок. 20: 7)».

Вручая после хиротонии епископу Феофану архиерейский жезл, епископ Андроник сказал: «Приими в свою архиерейскую любовь тех, для которых апостольствовал здесь наш равноапостольный первосвятитель Стефан

Великопермский. Разумею народ пермяцкий. Пермьки теперь все уже православные христиане. Но, к сожалению, ради особенных условий церковной жизни в северном угрюмом крае нашей обширной епархии пермьки в значительной степени остаются мало просвещенными светом евангельским, мало наученными знанию веры и обычаям жизни христианской. Но они, однако, подлинно дети природы, отзывчивые на добрый призыв, готовые воспринять всё, что предлагается им для спасения. Вот вместе со своими сотрудниками на ниве Христовой и сделай всё, чтобы научились они знать веру Христову и жить по ней, оставив всякие предрассудки древнего темного язычества, *да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 3: 17). Для сего, где только будет возможно, пусть богослужение в пермьских приходах совершается на пермьском наречии с понятной проповедью на пермьском же языке. Так, почувствовав всё богатство нашей веры, пермьки познают и то, чего они лишаются, доселе не зная наречия благочестивого народа русского. Так закрепится и упрочится полное духовное сроднение доброго пермьского населения края с коренным русским народом, *да будет едино стадо и един пастырь* Христос (Ин. 10: 16), все народы мира верой прививающий к Себе, как к доброй маслине (Рим. 11: 16–24). Вот первая твоя архиерейская забота среди вверяемой тебе паствы края.

Но когда вспомню о Якше, о Тулпане, о Лупье, о Печоре, тогда сердце невольно содрогается перед той погibelью, в которой пребывает великое множество родных нам по крови братьев, но ушедших давно в тьму раскольниковства от Святой Церкви. Там на севере есть такие дебри раскола, полные скрытых скитов, куда едва ли кто из православных и заглядывал. Но значит и во тьме заблуждения сколько у них ревности о спасении души, хотя и неправильно содержимой! И какое богатство веры обнаружилось бы в них при свете истинной благодати, хранимой в непогрешимой Церкви Святой! Среди таких-то раскольников старообрядцев уже достойно работают наши усердные сотрудники-пастыри и миссионеры, обрекая себя на удивительное самоотречение. Но нет там архиерейского глаза, отсюда же редко туда он мог достигнуть. Да устремись ты туда к этим в темноте заблуждения сидящим людям, Кровью Христовой искупленным. <...>

Однако, не подумай, что я научаю тебя забыть твою ближайшую и верную Церковь Христовой паству. Нет, наоборот, утверждаю, что и апостольство твое среди пермьков и старообрядцев успешно и прочно будет только тогда, когда ярко будет светить огонь любви и ревности о Господе в твоей православной и послушной пастве. <...>

В залог таких завещаний твоей благочестивой душе, вручаю тебе сей священный древний архиерейский жезл, по преданию дошедший до нас от руки самого нашего первосвятителя Стефана. Вверяя себя его святым и дерзновенным молитвам, бодренно шествуй к твоей богоданной пастве, дабы с верой и надеждой продолжить врученный нам подвиг святителя Стефана».

2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола. Известие об этом достигло Перми на следующий день и во избежание анархии во время идущей кровопролитной войны, при которой еще более могли увеличиться жертвы, епископ Андроник 4 марта обратился к пастве с воззванием: «Среди грозных событий тяжкого времени, перед лицом стоящего у врат Отечества лютого и коварного врага, совершилось событие величайшей важности и священности. Боговенчанный Государь Император Николай II Александрович, в своей неподкупной совести предавая себя в десницу Всевышнего Сердцеведца, сложил с главы своей царскую корону, отрекшись от царского престола с передачей такового своему царственному брату великому князю Михаилу Александровичу. Да будет воля Всевышнего.

Но сегодня телеграфное агентство принесло телеграмму о том, что великий князь Михаил Александрович решил принять верховную власть в том лишь случае, если такова будет воля всего великого народа нашего через всенародное голосование. Вместе с тем великий князь Михаил Александрович просит всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, теперь облеченному всей полнотой власти, впредь до выражения всем народом своей воли».

Из Перми была направлена телеграмма обер-прокурору Святейшего Синода: «Градо-Пермское и Мотовилихинское духовенство <...> в лице Вашем приветствует всё Временное правительство, да помогает ему Бог устроить всю страну нашу на началах гражданской свободы, да поможет Вам Господь содействовать осуществлению всегдашней Вашей заботы о каноническом устройении отечественной Православной Церкви, два века бывшей в унижительном плену у государственного режима. Вместе с духовенством епископ Андроник, епископ Феофан».

12 марта 1917 года епископ Феофан прибыл в Соликамск и поселился в Свято-Троицком монастыре. Накануне празднования для памяти святителя Стефана Великопермского, 25 апреля, вернувшийся по этому случаю в Пермь, епископ Феофан служил в Крестовой церкви, а епископ Андроник в Спасо-Преображенском кафедральном соборе, в котором на следующий день оба епископа отслужили Божественную литургию.

Передавая дела по управлению викариатством епископу Феофану, епископ Андроник 2 мая издал распоряжение: «С настоящего времени все дела по епархиальному управлению в пределах Соликамского и Чердынского уездов должны быть направляемы непосредственно к преосвященному Соликамскому Феофану, в помощь которому при нем учреждается особый пресвитерский совет из шести лиц, каковой совет и изберет предстоящий в мае съезд представителей духовенства и мирян по Соликамскому и Чердынскому уездам».

9 июня 1917 года состоялось большое торжество – освящение Крестовоздвиженского собора в Свято-Николаевском монастыре на Белой горе, в котором приняли участие оба епископа, братия монастыря во главе с настоятелем архимандритом Варлаамом (Коноплевым) и около тридцати тысяч паломников.

27 июня епископ Андроник выехал в Москву для участия в Предсоборном совещании, и 3 июля епископ Феофан вступил во временное управление Пермской епархией. 9 августа епископ Андроник снова выехал в Москву для участия в работе Поместного Собора, и с этого дня епископ Феофан стал исполняющим обязанности по управлению Пермской епархией.

В октябре 1917 года в стране произошел государственный переворот и к власти пришли большевики, открыто провозгласившие своей целью уничтожение Церкви. После опубликования декрета об отделении Церкви от государства, то есть уже с февраля 1918 года, начались бесчинства и погромы. Стали закрываться храмы и духовные учебные заведения, в некоторых храмах устраивались танцевальные залы.

4 февраля 1918 года епископ Феофан возглавил многолюдный крестный ход, поводом для которого было воздвигнутое на Православную Церковь гонение; во время крестного хода пелись пасхальные песнопения и говорились соответствующие данным обстоятельствам проповеди.

В феврале отряды большевиков совершили нападение на Успенский женский монастырь и подворье Белогорского монастыря в Перми. Появились первые зверски убитые и раненые. Пермское духовенство собралось в аудитории при часовне святителя Стефана Пермского, чтобы составить текст протеста против насилия над верой. Вскоре после этого несколько священников было арестовано. В тюрьме у

некоторых из них была взята подписка, что они не будут участвовать в крестных ходах и агитировать против советской власти, и их отпустили, остальных арестованных оставили в заключении как заложников.

Епископу Андронику было сообщено о происшедших событиях, на что он ответил из Москвы телеграммой: «Восстающих на Святую Церковь и ругающих ее и ее служителей именем Божиим заклинаю <...> опомниться и сознать, что мы есть православные христиане. Если же они этого не сознают и не раскаются, то таковых, как врагов Церкви, отлучаю от Святого Причастия и от надежды на вечное Спасение».

В 1918 году Волостной земельный отдел в Соликамске обратился к епископу Феофану с просьбой, чтобы тот выслал планы сенокосных лугов, принадлежащих Свято-Троицкому монастырю. Понимая, что эти планы нужны отделу лишь для захвата церковного имущества, епископ написал: «Предстанет Страшному Суду Всемогущего Бога всякий, кто осмелится для чего-либо захватить принадлежащие Церкви земельные угодья и какое-либо достояние Церкви Божией. Без разрешения власти архиерея, преосвященного Андроника, не имею права разрешать высылать планы».

В конце февраля в Соликамске на видных местах были развешаны направленные против большевистских властей провокационные воззвания, отпечатанные неизвестно кем на оборотной стороне постановления епархиального съезда, что должно было указывать на авторов воззвания. В ответ на это собрание духовенства города Соликамска направило властям текст, в котором предупредительно заявило о непричастности к провокации и своей лояльности: «Духовенство как раньше, так и теперь, находясь вне политики <...> не могло даже думать о таком в высшей степени гнусном поступке, тем более, что и со стороны Совета не было по отношению к духовенству каких-либо распоряжений, которые могли бы поставить духовенство в контрольное к Совету отношение, посему духовенство с гневом отвергает провокаторское выступление со стороны темных личностей, просит Совет принять уверение в лояльности отношений духовенства ко всем гражданам без различия партийности и служебного положения».

Епископ Феофан, ознакомившись с письмом и сочтя его проявлением малодушия и трусости, написал: «Отцы и братие! С великою грустью прочитал я сей журнал пастырского собрания духовенства церквей города Соликамска. Пастыри Церкви, служители „идеалам христианства“, выражают „лояльность“ всем гражданам без различия партийности и служебного положения, в том числе и появившимся среди нас, к глубокому сожалению, людям, отторгшимся от единства веры с нами (Иуд. 1: 18–19), насильникам и грабителям, наполнившим город наш убийствами и грабежами? Что же должны были подумать о нас, служителях идеалов христианства, читая объявление ваше, ваши духовные чада? Несомненно, они соблазнились сим и осудили вас за вашу молчаливую покорность насильникам и грабителям. Да разве христианство оправдывает насильственное, принудительное уравнивание имущества, а тем более грабежи, убийства?! Да и где это уравнивание, провозглашенное партией явившихся социалистов?! Куда пошли 500 тысяч, взятых у граждан города Соликамска? Где хлеб, обещанный ими? Не истребляют ли они, как саранча, по выражению пророка, и последние запасы, приготовленные не ими для продовольствия населения края? Так, несомненно, спрашивали в себе, читавшие ваше объявление, которое, несомненно, было на руку и Исполнительному комитету, недаром он поспешил и к широкому оповещению граждан Соликамска путем перепечатывания и расклейки его. Нет! Не так должны были вы ответить Комитету и населению на провокаторское объявление 4 марта, расклеенное на улицах города Соликамска. С негодованием отвергнув обвинение в том, что будто бы вы призывали к вооруженному восстанию

против бандитов и избиению их, вы в тоже время должны были, как пастыри, как соль земли, как свет мира, высказать свой нравственный суд насильникам и грабителям, выразить им свое негодование и порицание за то, что они, как приявшие некогда купель крещения, и, следовательно, по сей купели единоутробные братья и сродницы наши по вере во Христа, в безумии своём забыли, что они христиане, и обагрили руки свои кровью ни в чем неповинных перед ними братьев своих, наполнив город грабежами и убийством, подвергая ваших духовных детей и братьев-сослужителей буквально мукам исповедничества <...>, и за это, если они еще носят имена чад Православной Церкви, подлежат, согласно анафематствованию Патриарха, отлучению от Таинства Святого Причастия. <...> Конечно, естественно было по человеческому малодушию поступить так, как поступили вы на пастырском собрании 4 марта, заявив о своей лояльности, как пишете вы, а я скажу вам яснее, о своей молчаливой покорности Исполнительному комитету под опасной угрозой, может быть даже смертью. <...> Как вы, как пастыри, будете поступать в отношении к насильникам, совершителям убийства и грабежей? Допустим, к вам придут они, эти грабители и убийцы, в эти дни Святой Четырехдесятницы и Страстной недели на исповедь... Что вы будете делать с ними? Разрешите, допустите к Святой Чаше? Подвергните себя суду Патриарха, отлучившего их от Церкви. Не разрешите, не допустите, будете в противоречии себе, не высказавши своего нравственного суда над ними в объяснениях Исполнительного комитета их. Вот и учтите всё это <...> и перед Всевидящим Спасителем рассмотрите ваш поступок. <...> Посему, в себе самом всякий о сем размысливши, потом все вместе по-братски обсудите и свои суждения и исповедания опишите мне, чтобы я видел ваше настроение и знал бы, как мне надлежит быть в дальнейшем. Обращаюсь с сим призывом к иерейской совести всякого из вас. Не посрамите моей совести, перед вами скорбящей „о вашем искушении от врага“. Отец благочинный по получении сего соберет пастырское собрание для братского суждения о сем. Ему же поручается произвести дознание и представить мне объяснение от кого следует о служении благодарственного молебна и производстве церковного звона по поводу заключения постыдного мира».

12 апреля 1918 года епископ Андроник был возведен в сан архиепископа и 15 апреля возвратился в Пермь. 9 мая состоялся торжественный крестный ход, в котором приняли участие тысячи людей. Напутствуя расходящиеся по своим храмам крестные ходы, архиепископ сказал, что враги христианства восстали на Церковь Христову, а в Церкви – наши устои, сохраняющие страну от распада и нашу нацию от уничтожения.

Хорошо понимая, что вскоре он может быть арестован, архиепископ Андроник оставил на этот случай распоряжение, чтобы сама паства показывала, насколько для нее важны церковные таинства: «Арестованный рабоче-крестьянским правительством, – писал он, – запрещаю священно-церковнослужителям города Перми и Мотовилихи совершение богослужений, кроме напутствия умирающих и крещения младенцев.

17 июня архиепископ Андроник был арестован – и в Пермской епархии духовенство перестало совершать богослужения. Опасаясь народного возмущения, власти стали вызывать в ЧК священников и запугиванием принуждать их к исполнению треб. Был вызван служивший в Преображенском храме в селе Усолье, расположенном неподалеку от Соликамска, священник Михаил Накаряков. В ответ на угрозы он заявил, что давал клятву перед рукоположением подчиняться своему правящему архиерею, и пока тот не даст распоряжения – венчать, отпевать – он не будет этого делать. «Отпустите нашего архипастыря – и тогда я буду совершать требы», – сказал он. Выслушав его, красноармейцы заключили его в тюрьму в Соликамске. Епископ Феофан на всенощной под праздник пророка Илии просил прихожан усердно

помолиться об арестованном пастыре. Через несколько дней отец Михаил Накаряков после жестоких мучений был утоплен в реке Усолке. Епископ Феофан отслужил по убитому пастырю всенощную и, поминая его на ней священномучеником, сказал: «Не только мы молимся о нем, но и он молится за нас перед Богом». После богослужения епископ призвал его сына, диакона Николая, служившего в Троицком храме в Перми, и сказал ему: «В память твоего отца-мученика будешь рукоположен в сан священника. Иди вслед за отцом».

Всё это стало известно большевикам и привело их в ярость. 14 августа, около двух часов ночи, к Свято-Троицкому монастырю, где жил епископ Феофан, прибыл отряд из двадцати вооруженных красноармейцев. Они потребовали, чтобы им открыли ворота. Настоятель монастыря архимандрит Хрисанф (Клементьев) попросил их показать мандат на проведение обыска. Красноармейцы в ответ стали ругать настоятеля и епископа Феофана, из чего архимандриту Хрисанфу стало ясно, что они пришли арестовать епископа. И тогда он спросил, кого им нужно, не епископа ли Феофана. «Да, его и тебя вместе с ним!» – ответили те. Весь этот разговор происходил через щель в воротах, и настоятель предложил красноармейцам, чтобы они пришли днем. И они, ругаясь, ушли.

Утром этого дня архимандрит Хрисанф тайно проводил епископа Феофана до парохода, отправлявшегося с пристани Усть-Усолка в Пермь. Через несколько дней в монастырь явился вооруженный отряд из десяти красноармейцев, которые заявили, что пришли делать в монастыре обыск. Мандата на обыск у них по-прежнему не было, но настоятель впустил их в монастырь, спросив, что они будут искать. Они ответили, что пришли за епископом Феофаном. Настоятель сказал, что епископ уехал из монастыря. Не поверив, красноармейцы стали искать епископа и, не найдя его, ушли, ничего не забрав.

Через два дня архимандрит Хрисанф был арестован. Чекистские следователи стали спрашивать его, каким образом удалось епископу Феофану скрыться, они издевались над настоятелем и упрекали в том, что он позволил епископу скрыться вместо того, чтобы донести им об его отъезде. Один из допрашивавших, начальник милиции Лучинкин, понося настоятеля и монахов, говорил, что их, старых псов, надо отправить на работы в угольные копи. После допроса архимандрита Хрисанфа освободили, но затем через несколько дней снова арестовали, и допрашивавший его комиссар Трошев ему заявил, что тот будет отправлен на угольные копи. Архимандрита Хрисанфа отправили в уездный город Усолье к чрезвычайному комиссару Морозову, который, расспросив архимандрита о причинах его ареста, освободил его, сказав, что на принудительные работы он не может быть оправлен по старости.

23 августа епископ Феофан встретил в Перми членов комиссии – архиепископа Василия (Богоявленского) и Алексея Даниловича Зверева, которым было поручено Поместным Собором вместе с ректором Пермской духовной семинарии архимандритом Матфеем (Померанцевым) выяснить обстоятельства ареста и смерти архиепископа Пермского Андроника. Епископ Феофан поселил их в архиерейских покоях, предоставив им все условия для работы. Через несколько дней работа была закончена, и епископ Феофан стал хлопотать, чтобы им для переезда в Москву было предоставлено купе второго класса. 26 августа члены Комиссии отбыли из Перми.

В конце августа в архиерейском доме, где жил епископ Феофан, начались обыски, иногда с конфискацией имущества. Причем, одни комиссары составляли опись изъятых вещей, а другие забирали вещи, не оставляя никаких документов. Вскоре

забрали последнюю пролетку и лошадь, корову, зимнюю карету и сани, а также и рабочие сани.

12 сентября из Москвы была получена телеграмма архиепископа Кишиневского Анастасия (Грибановского) с просьбой ускорить возвращение в Москву членов комиссии. А еще через две недели в Перми было получено известие, что следственная комиссия в Москву не вернулась. Вскоре в Перми поползли слухи об убийстве членов комиссии вблизи моста через Каму. Подробности убийства рассказал солдат, его участник, который после убийства лишился сна, вспоминая картину этого ужасающего злодеяния.

В конце сентября 1918 года к епископу Феофану пришел председатель Соликамской земской управы Дмитрий Николаевич Антипин, скрывавшийся в это время от преследования большевиков, и попросил епископа назначить его куда-нибудь в село псаломщиком под другой фамилией. Желая спасти его от смерти, епископ Феофан распорядился выдать ему указ о назначении в храм псаломщиком под другой фамилией. Указ должны были подписать член Епархиального совета протоиерей Константин Шестаков и сотрудник Консистории Гавриил Петрович Желателев. Однако Дмитрий Николаевич не поехал на место, куда был назначен, остался в Перми, был опознан бывшим сослуживцем, перешедшим к большевикам, и арестован Чрезвычайной комиссией. При аресте у него был найден указ о назначении его псаломщиком. Вскоре в помещение Епархиального совета, находившееся в архиерейских покоех, пришел сотрудник Чрезвычайной комиссии в сопровождении вооруженного винтовкой красноармейца и арестовал протоиерея Константина Шестакова и столоначальника Консистории Гавриила Желателева.

На другой день Гавриил Петрович был освобожден и пришел к епископу, чтобы рассказать о происшедшем. Он рассказал, что их арестовали по делу о назначении Антипина псаломщиком. Однако, документ о назначении был подписан не им, и потому его освободили. Выслушав его, епископ Феофан принял решение пожертвовать своей свободой, а может и жизнью ради спасения жизни ни в чем не повинного священника.

Накануне того дня, в который он решил идти в Чрезвычайную комиссию, епископ долго и горячо молился в храме, затем низко поклонился всем находившимся там и попросил у них прощения; после этого он еще долго молился, прикладываясь к иконам, и затем исповедался. Рано утром 17 октября он отправился на кладбище и отслужил литию на могиле скончавшегося в 1905 году епископа Пермского и Соликамского Иоанна (Алексеева) – благоговейного и ревностного совершителя богослужений, блюстителя церковных уставов, поборника чистой и святой правды, прямодушного, честного, общительного и радужного.

Отслужив в этот день литургию, епископ Феофан направился в Чрезвычайную комиссию, и здесь был арестован и заключен в Пермскую тюрьму. Первое время администрация тюрьмы разрешила передавать ему передачи два раза в неделю, а затем ввиду его болезни ему было разрешено приносить пищу ежедневно. В письмах, посылаемых из тюрьмы, епископ Феофан попросил, чтобы священник Крестовой церкви отец Михаил Салтурин, живший в архиерейских покоех, исхлопотал себе у представителей советской власти пропуск для свидания с ним, чтобы он смог причаститься Святых Христовых Таин, а также, чтобы ему передали богослужебные и другие книги. В пропуске в тюрьму было отказано, но книги, которые просил епископ, ему были переданы и, в частности, толкование на Псалтирь святителя Феофана Затворника – книгу недавно напечатали и еще не успели переплести.

Сначала епископ Феофан содержался в одиночной камере; по соседству с ним находились анархист и большевик, которые при всяком удобном случае издевались над архипастырем. Затем епископа перевели в общую камеру, где были монахи Белогорского монастыря, заключенные в тюрьму за отказ от работ – иеромонах Иоанн (Новоселов), иеродиакон Виссарион (Окулов) и Матфей (Банников), монахи Савва (Колмогоров) и Василий (Вотяков) и послушник Михаил Феофилов. Епископ и монахи просили передать им Святые Дары, но поскольку в свиданиях им отказывали, это долго не удавалось сделать. Монахи бывало перетаскивали уголь с улицы на территорию тюрьмы, и тогда ворота тюрьмы некоторое время оставались открытыми. В один из таких дней иеромонах архиерейского дома Никон принес Святые Дары и передал их епископу Феофану. Епископ спросил его, все ли здоровы, сохранена ли церковь, и просил передать ключарю собора протоиерею Андрею Сергееву, чтобы они хлопотали о его освобождении.

25 ноября Пермская Губернская чрезвычайная комиссия рассмотрела дело по обвинению епископа Феофана, обвиняемого в выдаче подложных указов и назначения на места псаломщиков людей скрывающихся от преследования советской власти. И «хотя такого рода документы и не являются установленными удостоверениями о личности, – писал исполняющий должность заведующего отделом по борьбе с контрреволюцией Кузнецов, – но, тем не менее, это дало возможность укрываться последним от преследования. Признавая за такого рода действиями высшего представителя клерикальной церкви планомерное стремление к оказанию возможными способами содействия контрреволюционерам в свержении власти Советов и укрывательстве от преследования и что к подобным элементам в момент острого напряжения и смертельной схватки в беспощадной борьбе труда с погибающим капиталистическим строем, какой переживается в данное время должна быть применена самая суровая мера наказания: епископа Феофана расстрелять с санкции Всероссийской Чрезвычайной комиссии, послав это постановление вместе с делом на санкцию таковой».

Давая объяснения, почему он спас обратившегося к нему человека от преследования и смерти, епископ Феофан написал: «По делу Антипина Дмитрия Пермский епархиальный совет введен был в печальное положение ошибки, всецело доверившись резолюции, наложенной мною, епископом Соликамским, из жаления к безвыходному положению его, Антипина[‡], которому, по его словам, угрожали расстрелом, как бежавшему из Соликамска, по причине мне неизвестной; при разговоре выяснилось, что ему нельзя оставаться под прежним именем, и подано было прошение <...>. Резолюция сдана была обычным порядком в канцелярию Совета и проведена была обычными подписями члена Совета, секретаря и делопроизводителя. Вполне доверяясь епископу, член Совета введен был в заблуждение и нисколько не виновен в выдаче документа, тем более подписавшие за секретаря и делопроизводителя, а по сему прошу освободить протоиерея Шестакова[§], подвергнув аресту меня как виновного в выдаче ложного документа. Лично зная г. Антипина, как прекрасного человека, проходившего у нас в Соликамске должность церковного старосты и много сделавшего по ремонту зимнего собора. Много слышал о нем хорошего и как об общественном деятеле по должности председателя бывшей Уездной земской управы. Всё это и побудило меня оказать ему сожаление. Но Бог поругаем не бывает – мне, как епископу, видимо наказание Божие за ложь,

[‡] Впоследствии Дмитрий Николаевич Антипин был освобожден из тюрьмы.

[§] Протоиерей Константин Шестаков был освобожден спустя месяц после ареста.

недопустимую в лице епископа, которому вверяется блюсти Правила святых апостолов и отцов духовных свято и нерушимо. Бог да будет мне судьей в лице земного правосудия».

26 ноября большевики снова пришли с обыском в архиерейский дом: обыскали стол архиепископа Андроника, забрали деньги, серебряные медали, золотые крестики, серебряные цепочки, печати архиепископа Андроника и епископа Феофана, переписку архиепископа Андроника, брошюры, папки от поздравительных адресов, ленту от пишущей машинки, 63 фотографии, дела, которые вела Консистория, и 123 ставленнические грамоты, которые, впрочем, впоследствии были возвращены.

В воскресенье, 22 декабря, епископ Феофан отправил из тюрьмы священнику Михаилу Салтуру письмо, в котором написал, что в этот день состоялось разбирательство по его делу, но Чрезвычайная комиссия не пришла к какому-либо определенному выводу, почему он полагает, что его или отправят на работы, или эвакуируют в другой город, но скорее всего, отправят на смерть. На этот случай епископ передал в письме небольшой текст завещания. Вызванные в этот же день на допрос монахи заявили, что они советской власти не признают, на что им было сказано, что им от этого несдобровать. Иеромонах Виссарион просил передать в Крестовую церковь, чтобы принесли Святые Дары, так как их в эту ночь уведут на смерть.

Накануне взятия Сибирской армией города Перми, в 4 часа утра 23 декабря в тюрьму явился конвой красноармейцев с двумя палачами, которые приходили всегда, когда предполагалось кого-либо казнить. В числе пришедших был член президиума Чрезвычайной комиссии Георгий Федорович Воробцов, который предъявил надзирателю Пермской тюрьмы Василию Степановичу Смирнову приказ, подписанный председателем Чрезвычайной комиссии по разгрузке мест заключения города Перми Моисеем Марковичем Харитоновым (приехавшим с Лениным в 1917 году в «пломбированном вагоне»), а также председателем ЧК Павлом Ивановичем Малковым, секретарем Робертом Кристьяновичем Лепсисом и им, Воробцовым, о выдаче десяти арестантов Варанкину; на обороте приказа был список лиц, подлежащих выдаче. Первым в списке значился епископ Феофан. Пришедшие палачи стали говорить о реке Каме, расписывая, каким способом они собираются казнить заключенных. Они попросили у тюремной администрации веревок, но веревок не нашлось. И тогда, стянув руки епископа Феофана металлическим обручем, палачи увели его и белогорских монахов – иеромонаха Иоанна (Новоселова), иеродиакон Виссариона (Окулова) и Матфея (Банникова), монахов Савву (Колмогорова) и Василия (Вотякова) и послушника Михаила Феофилова – на казнь. Уходя епископ Феофан благословил всех присутствующих и попросил у них прощения.

На следующий день в архиерейский дом пришла послушница Бахаревского монастыря и отдала переданные ей из тюрьмы вещи, принадлежавшие епископу Феофану, – одеяло, подушку, рясу и дарохранительницу – и сообщила, что епископа Феофана и монахов в прошедшую ночь из тюрьмы увели.

Арестованных епископа Феофана и монахов доставили к месту на реке Каме, где находилась зимняя мойка для стирки белья. Добраться до нее можно было с Монастырской улицы, откуда между Оханской и Сибирской улицами шел спуск к реке. Дорога, огороженная со всех сторон заборами и складами, круто спускалась к воде, место было совершенно глухое и закрытое со всех сторон. Большое здание мойки располагалось в шестидесяти четырех метрах от берега и представляло собой четырехугольный бревенчатый сруб с потолком, но без крыши. В стене сруба, обращенной к противоположному берегу реки, была дверь, запиравшаяся на замок.

Внутри мойки была устроена печь и по обе ее стороны вдоль реки – две проруби длиной по шесть метров; по краям прорубей лежали доски, на которые становились прачки при полоскании белья.

Палачи вместе с арестованным архипастырем и белогорскими монахами спустились к мойке, выломали из ограждавшего ее забора колья, взломали на двери замок и вытащили из мойки доски и всё это взяли с собой. Еще ранее они прихватили откуда-то тяжелые двухметровые оглобли, которые им были почему-то нужны при убийстве. пытки и избиения епископа Феофана и монахов начались в самом здании мойки, пол ее оказался залитым кровью. В восьмидесяти шести метрах от мойки, вниз по течению реки, была расположена еще одна прорубь, около восьми квадратных метров, и несколько дальше другая, чуть поменьше, прорубленные палачами. Эти проруби находились уже на середине реки. Туда и повели исповедников, неся с собой колья, доски и деревянные оглобли.

Через день в город вошли передовые части Сибирской армии. Пришедшие на реку хозяин мойки, монахи из архиерейского дома, а затем и представители власти обнаружили, что рядом с прорубью валяются две тяжелые оглобли, на которых остались следы запекшейся крови, колья от забора, а через прорубь была перекинута залитая кровью половая доска. Рядом с прорубью лежали вмерзшие в лед книги: толкование на Псалтирь святителя Феофана Затворника без переплета, которое было с епископом Феофаном в тюрьме, и Евангелие, с сорванными обложками, на котором было написано рукой архиепископа Андроника, что эта книга передана ему в Уфе в 1912 году иеромонахом Тарасием. На краю проруби лежала вмерзшая в лед скуфья монаха Саввы и вмерзший в лед целым куском человеческий мозг. Всё пространство вокруг было залито кровью, которая пропитала собой снег и лед. После тяжких мук епископ Соликамский Феофан и шесть белогорских монахов были утоплены в Каме.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Священномученик Феофан (Ильменский), епископ Соликамский. Ожидание праведников – радость». Москва. 2022. С. 9–92.